

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков : монография / В.И. Коваль. – Минск: РИВШ, 2012. – 270 с.
2. Лапацін, Г.І. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры / Г.І. Лапацін. – Гомель: Барк. – 248 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ПК – Песні пра каханне / [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. І.К. Цішчанкі; Рэд. Тома А.С.Фядосік, Г.І. Цітовіч. – Навука і тэхніка, 1978.

Шабудзева Н.И.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Несколько параллельных названий хлеба на пограничной восточнославянской территории

Данная статья посвящена исследованию нескольких однокоренных названий хлеба, зафиксированных на пограничной русско-белорусско-украинской территории. Эти названия рассмотрены с точки зрения их семантики, словообразования, генетического родства.

Ключевые слова: *семантика, словообразовательная структура, происхождение, генетическое родство, параллель, архетип, праформа.*

Лингвистическая география не только указывает на территорию распространения того или иного языкового явления, но её данные позволяют увидеть разное или общее в языках, а, следовательно, и в менталитете народов, говорящих на этих языках. Язык свидетельствует о народе, его истории и взглядах на жизнь более других источников и артефактов. Хлеб – основа основ восточнославянского мироустройства. Использование одинаковых названий хлеба в пограничных говорах говорит об общности народов и языков.

В данной статье будут рассмотрены несколько параллельных названий хлеба с корнем **ver-/*vor-/*vbr-/*vbr-* с семантической, деривационной и хронологической точек зрения, зафиксированных на смежной русско-белорусско-украинской территории.

В брянских говорах русского языка *верэнина* обозначает заварное тесто из ржаной поджаренной муки; едят его горячим со свиным растопленным салом (Расторгуев 63). Данная лексема входит в ряд генетиче-

ски родственных слов, таких как бел. черв. *вярэні* ‘тапки, сплетенные по образцу сундучка’, *вярэня*, *вярэнькі* ‘пастушья сумка, сплетённая из бересты’ (Шатэрнік 60), тур. *вярэня* ‘кошёлка с крышкой, сплетённая из коры’ (ТС I, 116); укр. *вереня* ‘маленькая верета’ (Гринченко I, 135); укр. *вереница* ‘засов в дверях’ (Лисенко 20). Наиболее близко в семантическом плане к исследуемому *верэнина* стоит русск. урал. *наверенькать* ‘приготовить (пищу)’ (СРГСУ II, 158). Украинский этимолог А.И. Илиади пишет, что в данном случае “явная метафоризация значения ‘плести’ в ‘готовить пищу’, очевидно, через какое-то промежуточное звено” [5, с. 11]. На наш взгляд, этим промежуточным звеном может быть незасвидетельствованное **верень* в значении ‘пища’. Эта еда, вероятнее всего, представляла собой жидкую кашу, заварное тесто, то есть пища, во время приготовления которой её ингредиенты постоянно вращались, кипели. Основанием для такого предположения служит русск. *верэнина*. Авторы ЭСБМ восстанавливают архетип **vereny* (<**verti*) для обозначения старинной плетёной обуви и плетёной сумы, кошёлки (ЭСБМ II, 322). Можно предположить, что **vereny* уже в праславянский период было многозначным, и одним из значений его было ‘пища’. Производное *верэнина* образовано с помощью форманта *-ина* (*-ina*), очень продуктивного в данной тематической группе лексики, наряду с формантом *-ень*. Обнаружено большое число наименований хлеба с этими формантами: русск. *срезень* ‘хлебная краюшка’ (Даль VI, 306), перм. *наливень* ‘пирожок’, ‘ватрушка’ (СРНГ XX, 15), русск. *печень* ‘хлебные мучные яства: пироги, блины, пышки’ (Даль III, 108-109; СРНГ XXVI, 348); брян. *скавародень* (Запись наша), вит. *скаварадзень* ‘пшеничная лепёшка’ (Касьпяровіч 281), волог. *сочень* ‘круглая тонкая лепёшка, поджаренная в масле’ (Бурнашев II, 232), яросл. *сочень* ‘круглая тонкая лепёшка без начинки, испечённая из остатков дрожжевого теста, приготовленного для выпечки пирогов на чугунной сковороде в печи’ [8, с. 23], бел. диал. *сачэнь* (фонетические варианты *сашэнь*, *сачэнь*, *цацэнь*, *цацні*, *сатэнь* и др.) ‘сковородник’ (ЛАБНГ IV, карта № 324), укр. *дивень* ‘хлеб в виде толстого кольца, пекут на свадьбу для невесты, которая должна сквозь него посмотреть на гостей’ (Гринченко I, 381-382), *лежень* ‘род большого калача, обрядовый свадебный хлеб’ (Гринченко II, 353), *стулень* (*-льня*) ‘род пирога без начинки’ (Гринченко IV, 222) и др. А. С. Герд отмечает, что суффикс *-ень*, в числе других суффиксов, связан с названиями различных типов пищи в славянских языках [2, с. 135]. Формант *-ина* относился к числу очень продуктивных словообразовательных средств ещё в праславянский период [19, т. I, с. 120]. В качестве примера можно привести следующие названия хлеба: русск. *печина* ‘выпечное изделие: печенье, пироги, блины’ (Даль III,

108-109; СРНГ XXVII, 5); русск. *хлебина* ‘большой хлеб’ (ССРЛЯ XVII, 178), бел. *хлябіна* ‘булка хлеба’ (БМ IX, 169, 172); русск. *ржанина* (*оржанина*) ‘ржаной печёны хлеб’ (Даль IV, 101; СРНГ XXIII, 341) и др. Праславянская древность рассматриваемого *верэнина* проблематична по ареальным причинам.

Брян. *вертун* фиксируется в значении ‘сладкий пирог из тонко раскатанного теста, начиненный малиной, вишнями, яблоками и др.’ (Расторгуев 63). Данное слово известно всем восточнославянским языкам также не с “хлебной” семантикой: русск., укр. простореч. *вертун* ‘непокойный человек, непоседа’, ‘голубь особой породы, который ввремя полёта перевёртывается через голову или крыло; турман’, ‘вентилятор’ (ССРЛЯ II, 195; УРС 59); бел. простреч. *вяртун* ‘то же’, ‘небольшой водяной жук’ (ТСБМ I, 602). В сербско-хорватском языке обнаружено материальное соответствие для восточнослав. *вертун* – *вѣртун* ‘фартук, передник’, ‘салфетка’ (РСА II, 537).

Ареал исследуемого *вертун* ставит под сомнение утверждение П.Я. Черных о его позднем происхождении (Черных I, 144). Словообразовательная структура также подтверждает факт его раннего, вероятно, праславянского образования. Производящей базой для наименования *вертун* является глагол *вертеть* (<**vьrtěti*), а словообразовательным формантом выступает *-ун* (<*-un*). По заключению исследователей, суффиксация на *-унь* была весьма продуктивна в праславянский период. Данный формант известен словообразовательным системам всех славянских языков, но особенно продуктивен в восточнославянских [11, с. 38-39; 16, т. I, 134]. Нами обнаружен ряд названий мучных изделий, содержащих в своей структуре указанный формант: бел. гом., черв. *галдун* ‘вареник’ (Шатэрнік 63), полоч. *лапун* ‘опреснок, лепёшка из муки и толчёного или драного картофеля’ (НС 200); русск. арх. *топтун* ‘блин из ячменной муки’ (Подвысоцкий 189), курск. *дергуны* ‘лепёшки из грубой муки’ (СРНГ VIII, 10); кубан. *латун* ‘кукурузная лепёшка’ (ср. *латка* ‘печенье’) (СРНГ XVI, 290-291); укр. *деруни* ‘оладьи из тёртого картофеля’ (СУМ II, 254), закарп. *карачун* (*крачун*) ‘рождественский хлеб’ [3, с. 97-98].

Словообразовательная структура, значительные колебания в семантике с сохранением основного семантического стержня – ‘то, что вертят; то, чем обворачивают’ и ареал его использования (все восточнославянские и сербско-хорватский языки) позволяют поставить вопрос о праславянском происхождении наименования *вертун* и возвести его к архетипу **vьrtunь*.

Наименование *вяртуты* (фонетический вариант *вятуты*) фиксируется в белорусских гомельских говорах с семантикой ‘баранки’ (БМ

III, 221, 225); укр. диал. *вертут* (грамматический вариант *вертута*) – это ‘рулет, вид пирога с маком, творогом, повидлом’ (ЭСБМ II, 311). В варианте *вятуты* произошло упрощение группы согласных *pt* на стыке корня и детерминатива. Авторы ЭСБМ предполагают, что белорусское наименование *вяртуты* заимствовано из украинского языка, в то же время не исключают возможность регионального образования от глагола *вярець* (ЭСБМ II, 311).

Исследование семантики данного наименования показывает то, что это мучное изделие круглой формы, сделанное в результате верчения, кручения, а, кроме того, обваренное, то есть вертящееся во время приготовления. Это подтверждает предположение о том, что производящей базой для наименования *вяртуты/вертут/вертута* является глагол *вертеть* (<**vьrtěti*). Словообразовательным средством в данном случае выступает суффикс *-ym* (< *-ut/-Qt-*). Нами выявлена ещё только одно наименование с указанным суффиксом: русск. орл. *латума* ‘большой ломоть хлеба’ (сравн.: кубан. *латун* ‘кукурузная лепёшка’, новг. *латка* ‘печенье’) (СРНГ XVI, 286-287). Белорусский этимолог Р. М. Козлова установила, что консонант *t* образовывал форманты совместно с гласными *o, e, y, u/Q* и “суффиксальный ряд *-et/-ot/-ut/-yt-* воспринимается как ряд вариантных морфем”. Этимолог восстановила праформы для исследуемых названий праформы **kьrbutь/*skьrbutь, *kьrbQtь/*skьrbQtь* и др. [6, с. 120, 276, 351]. Древность суффикса и его непродуктивность в современных славянских языках позволяют предположить раннее происхождение рассматриваемого наименования.

В то же время указанная лексическая единица может быть образована в результате субстантивации краткого причастия настоящего времени действительного залога **vьrtQtь/*vьrtQta* от глагола **vьrtati*. Семантика названия *вертут* – ‘баранок’ также подтверждает возможность такого образования, если учесть то, что это предмет, вертящийся во время приготовления. Украинский этимолог В. П. Шульгач приводит материалы для обоснования праформ причастий действительного залога **vьrtQtь/*vьrtQta* [19, с. 42]. Структура наименования *вяртуты* (*вятуты*) ‘баранки’ свидетельствует в пользу его праславянской древности. Следовательно, есть основание говорить об общем источнике для белорусского и украинского названий. В зависимости от того, что считать в качестве производящей базы для исследуемого названия, могут быть восстановлены следующие праформы: **vьrtutь/*vьrtuta/*vьrtQtь/*vьrtQta* от глагола **vьrtěti* (плюс суффиксы *-ut/-Qt-*); либо в результате субстантивации действительного причастия настоящего времени **vьrtQtь/*vьrtQta > *vьrtQtь/*vьrtQta*.

Название *вергун* (деминутив *вергунець*) фиксируется в различных говорах украинского языка с семантикой ‘сладкое печево (хворост, хрусты)’ (Гринченко I, 134; Ващенко 19), а также [1, с. 53; 17, с. 39]. Исследование семантики данной лексической единицы показывает, что *вергун* – это предмет, возникший в результате перекручивания, переплетения, вращения. Это даёт основание предположить в лексеме *вергун* праславянский корень **ver-/vbr-*, осложнённый детерминативом *g*. Следовательно, данное наименование является производным от укр. диал. *веречи* ‘бросить, добросить’ (Онишкевич I, 91), восходящего к др.-русск. *веречи* ‘швырнуть’ (<**vergti*) (СлРЯ XI-XVII II, 87), либо от укр. *вѣргати* ‘швырять, бросать’ (Гринченко I, 134), ст.-русск. *вергати* ‘швырять, бросать’ (СлРЯ XI-XVII II, 83) и др., восходящих к праслав. **vbrgati*. Праформы **vergti* и **vbrgati* восстановлены А.И. Илиади [5, с. 53]. Л.В. Куркина отмечает, что основа **vbrg-* проделала определённую эволюцию, отдельные этапы которой ещё в живой связи сохраняют славянские языки. В совокупности значений, связанных с этой основой, в качестве основных и существенных, по мнению этимолога, можно выделить следующие: ‘плести, вязать’ – ‘нечто сплетённое’ [9, с. 79-80]. Название *вергун* совершенно вписывается в указанное значение. Словообразовательная структура (основа **verg-/vbrg-* плюс формант *-ун* (<*-un*)) также свидетельствует в пользу раннего происхождения рассматриваемого названия.

Русск. ворон. *варгун* обозначает сдобную пшеничную лепёшку (СРНГ IV, 47). Для решения вопроса генезиса данного наименования следует обратиться к рассмотрению семантики лексемы *варгун*. Лепёшка – это круглый предмет, а так как в данном случае имеется в виду сдобная лепёшка, то это пышное, вздувшееся хлебное изделие. В. П. Шульгач на основании фактического материала восстанавливает праформу **vbrguntь* [18, с. 182-185]. Вокализм *-ap-* в представленной лексеме закономерен с фонетической точки зрения для неударного слога [Там же]. В тоже время в русск. *варгун* можно усмотреть корень **vbrg-* на том основании, что "преимущественно с лабиализацией предшествующего согласного связана и нейтрализация в безударном положении подъёмов (нижнего и среднего) у нелабиализованных гласных *a* и *e*: *валось* (*велось*)" [10, с. 53], следовательно, **vbrguntь* > *вергун* > *варгун*.

На смежной полесской белорусско-украинской языковой территории зафиксировано два названия хлеба с корнем *ворон-* < **vorp-*: бел. *варанай* – эпитет каравая в свадебной обрядности (Насовіч 66), укр. *воропáник* ‘хлеб, выпеченный из смешанной недоброкачественной обычно разных сортов муки’ (СПГ 39).

Название *воронай* уже попадало в поле зрения лингвистов. А. Потебня предлагал рассматривать это название как "эпитет свадебного коровая, т.е. жениха, овладевающего невестой, покрывающего ее" [13, с. 165]. К этому наименованию также обратилась В. А. Меркулова. Этимолог включает *воронай* в индоевропейское гнездо **uerp-* 'вертеть, вращать', от которого, по ее замечанию, "в славянских языках сохранились незначительные остатки. По-видимому, в древности это было большое этимологическое гнездо, которое постепенно утратилось" [12, с. 97]. А. И. Илиади, восстанавливающий этимологическое гнездо с корнем **ver-* в праславянском языке, также считает, что семантика **vorpaĭ* 'хлеб, каравай' отображает семемы 'скручивать, гнуть', в функции обозначения операций замешивания теста [5, с. 88]. Разрушение свадебной обрядности, а вместе с ней и названий, обозначающих то или иное действие или предмет, привело к тому, что эпитет каравая *воронай* перешел в разряд пассивной лексики, и как живая единица языка уже не встречается, но используется в древних устойчивых контекстах, например: "*Пытався коровай у перепечы: // Ды куды сцезжа до клеци? // - Ах ты, короваю-воронаю! // Часта ў клеци бываеш, // Сцезжи-дарожки пытаеш!*" (Насовіч 66).

Использование *воронай* в качестве эпитета затрудняет его точную семантическую интерпретацию. Этому в большой мере может помочь привлечение генетически родственными словами: бел. диал. *варанай* 'неразумный, бестолковый человек', 'человек, делающий что-либо быстро, но бестолково' (СБГ I, 283), др.-русс. *воропь* 'налет, набег, натиск, нападение' (Срезневский I, 303; СлРЯ XI-XVII III, 34), укр. *воронай* – эпитет человека в тексте песни "*Чоловіче-воронаю, де ж я тебе заховаю!*" (Гринченко I, 255). Имеется ряд производных с иной суффиксацией: бел. диал. *варо́паўка* 'зеленая жаба' (Сцяшковіч 76), *варо́пуха*, *варо́павіца* 'полевая жаба' (Сцяшковіч 81), *во́рапень* 'лежебока' (Бялькевіч 112), русск. *воропье* 'навой, баран', 'бочка', 'ворот, вал для подъема чего-либо' (Даль I, 245). В. А. Меркулова в качестве единицы данного этимологического гнезда приводит глагол *верпеть* 'кипеть', сохраненный архангельскими говорами русского языка [12, с. 100]. В древнерусских памятниках фиксируются глаголы *вьрпу*, *вьрпсти* 'рву, обрываю' (Срезневский I, 462). В памятниках церковнославянской письменности использовалось слово *навратъ* 'грабеж', 'добыча' (Фасм. I, 300, 354). У большинства приведенных слов в основе семантики лежит значение 'кручение, вращение'. Следовательно, можно предположить, что это значение является стержневым у наименования *воронай*. В. А. Меркулова справедливо считает, что "эпитет каравая может указывать на характер самого хлеба. Ср. второе название

каравая в брянских говорах – *верч* [12, с. 101]. Семантика же белорусских названий *варо́паўка* ‘зеленая жаба’, *варо́пуха*, *варо́павіца* ‘полевая жаба’, в белорусском языке также обозначаемые словом *рапу́ха*, уточняют и конкретизируют, что же представлял собой воропай. Можно предположить, что воропай – это нечто большое, круглое. У производящей базы названия **korvajь* – **korva* в основе семантической структуры лежит признак ‘округлый, круглый’ > ‘толстый’, на что указывает Р. М. Козлова [7, с. 354], так и у производящей базы **vorp-* для названия **vorpaјь* также компонентом семантического поля является этот признак. Одноструктурность названий **korvajь* и **vorpaјь* доказывает раннее происхождение последнего. В. А. Меркулова, кроме того, отмечает: "Стоит обратить внимание на суффиксальную вариантность: **vorpaјь*/**vorp-anъ* при **korv-aјь* ‘свадебный хлеб’ /**korv-anъ* ‘полено’. Вряд ли это совпадение случайно" [12, с. 101].

Укр. *воропанік* ‘хлеб, выпеченный из смешанной недоброкачественной обычно разных сортов муки’ (СПГ 39) своим семантическим стержнем имеет процесс смешивания, мешания. Данное наименование, вероятно, также принадлежит к ранним "хлебным" единицам. Предположительно, в названии *воропанік* первоначально выделялось два форманта *-анъ* и *-ікъ*. Реконструируемое **воропанъ* представляло собой производное от **воропъ* с формантом *-анъ*, одной из функций которого еще в праславянский период было производство аугментативов [15, т. I, с. 130], т.е. **воропанъ* – это ‘большой хлеб’, формант же *-ікъ* мог внести оттенок уничижительности, пренебрежительности. В результате *воропанік* приобрело значение ‘большой хлеб, приготовленный в результате мешания, смешивания недоброкачественной муки’. На раннее происхождение названия *воропанік* указывает также на способ приготовления хлеба из разных сортов муки, который относится к древнему периоду, что обычно делалось в неурожайные, тяжелые годы [14, с. 33].

Корень **ver-* в рассмотренных наименованиях хлеба представлен в различных апофонических вариантах. Большинство наименований имеет корень со степенью редукции *e*-ряда **vьr-* (*верч*, *вертун*, *вартун*, *вергун*). Названия *воропай*, *воропанік* входят в апофонический вариант со степенью *o*-ряда. В названии *варгун* представлен вокализм *o*-ряда **vor-/vьr-* и *ap*-рефлексия корня. Все словообразовательные средства, используемые при образовании названий хлеба данного словообразовательного гнезда, относятся к праславянскому периоду.

Остальные наименования хлеба образуются от различных детерминативных основ. Детерминативами выступают следующие согласные: *t*, *g*, *p*. Наши данные подтверждают мнение А. Ф. Журавлёва о том,

что "шире представлены в славянских языках образования от этого корня с детерминативом *-t-*" [4, с. 56-57]. Основа с *g*-детерминативом представлена тремя названиями (укр. *вергун, вергунець*, русск. *варгун*), а *p*-детерминативная основа – двумя наименованиями: бел. *варпай*, укр. *воропаник*.

Исследование данных параллельных названий показывает, что наши народы имеют больше общего, чем разного, их материальная культура, а за ней и менталитет имеют общий источник.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артюх, Л. Ф. Пища и питание украинского крестьянства конца XIX – XX вв. (Этнографическая характеристика) / Л. Ф. Артюх // Дис... канд. истор. наук: 07.00.07 / АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского. – Киев, 1981. – 150 с.
2. Герд, А. С. Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами / А. С. Герд // Псковские говоры. – Псков: Псков. ГПИ, 1968. – Вып. II. – С. 127-146.
3. Гонтарь, Т. О. Народне харчування українців Карпат / Т. О. Гонтарь. – Київ: Наукова думка, 1979. – 140 с.
4. Журавлев, А. Ф. К этимологии слав. **vorb-* 'птица Passer, воробей' / А. Ф. Журавлев // Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 56-60.
5. Іліаді, О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові / О. І. Іліаді. – Київ-Кіровоград: ДЛАУ, 2001. – 162 с
6. Козлова, Р. М. Праславянское слово в генетическом гнезде (Структура праславянского слова): Автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Р. М. Козлова. – Гомел. гос. ун-т. – Мн., 1991. – 42 с.
7. Козлова, Р. М. Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде) / Р. М. Козлова. – Гомель: Тип. БелГУТа, 1997. – 412 с.
8. Кокарева, И. П. Названия выпечных изделий в говорах Первомайского района Ярославской области / И. П. Кокарева // Деревня Центральной России: История и современность. – М.: Типография Российской академии сельскохозяйственных наук, 1993. – С. 56-60.
9. Куркина, Л. В. Славянские этимологии. II / Л. В. Куркина // Этимология. 1972. – М.: 1974. – Наука, 1974. – С. 60-80.
10. Лекомцева, М. И. Фонологический комментарий к полесским диалектам / М. И. Лекомцева, С. М. Толстая // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). – М.: Наука, 1968. – С. 47-67.

11. Мартынов, В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен / В. В. Мартынов. – Мн.: Наука и техника, 1973. – 60 с.
12. Меркулова, В. А. Русские этимологии. III / В. А. Меркулова // Этимология. 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 88-102.
13. Потебня, А. Этимологические заметки / А. Потебня // РФВ, 1880. – Т. IV. – № 3-4. – С. 163-170.
14. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Быт белоруса / Е. Р. Романов. – Вильня, 1912. – Вып. 8-9. – 600 + 122 с.
15. Pietkiewicz, Cz. Polesie Peczyskie: Materiały etnograficzne. Cz. 1. Kultura materialna / Cz. Pietkiewicz. – Kraków, 1928. – 320 s.
16. Sławski, F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / F. Sławski // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN, 1974-1976. – Т. I-III.
17. Цвек, Д. Солодке печиво / Д. Цвек. – Львів: Каменярь, 1987. – 87 с.
18. Шульгач, В. П. Заметки по донской гидронимии: *Варгол* / В. П. Шульгач // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 1998. – Вып. IV. – С. 182-187.
19. Шульгач, В. П. Українські етимології. 29-36 / В. П. Шульгач // Мовознавство. – 1998. – № 6. – С. 40-46.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

БМ – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства: Міжвузаўскі зборнік. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1975. – Вып. III. – С. 161-260; 1981. – Вып. IX. – С. 107-175.

Бурнашев – Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности и быта народного / В. Бурнашев. – СПб, 1843-1844. – Т. 1-2.

Вашенко – Вашенко, В. С. Словник полтавських говорів / В. С. Вашенко. – Харків: Изд-во Харківського ун-та, 1960. – Вип. I. – 108 с.

Гринченко – Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958-1959. – Т. I-IV.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1981-1982. – Т. I-II; 1990-1991. – Т. III-IV.

Касьпяровіч – Касьпяровіч, М. І. Віцебскі краёвы слоўнік: Матэрыялы / Пад рэд. М. Я. Байкова, Б. І. Эпімаха-Шыпілы. – Віцебск, 1927. – 372 с.

ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. – Мн.: АН Беларусі, 1997. – Т. 4.

Лисенко – Лисенко, П. С. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся / П. С. Лисенко. – Київ: Изд-во АН УССР, 1961. – 72 с.

Насовіч – Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мн.: БелСЭ, 1983. – 792 с.

НС – Народнае слова / Пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 360 с.

Онишкевич – Онишкевич, М. Й. Словник бойкіўскіх говірок: У 2-х ч. / М. Й. Онишкевич. – К.: Наукова думка, 1984. – Ч. 1. – 125 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. – СПб: Изд-во типографии Императорской Академии наук, 1885. – 198 с.

Расторгуев – Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. – Мн.: Навука і тэхніка, 1973. – 296 с.

РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног језика / Под ред. Ж. Анбековића. – Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959-1984. – Т. I-XII.

СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979-1986. – Т. I-V.

СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1975-1992. – Вып. 1-18.

СПГ – Лисенко, П. С. Словник поліських говорів / П. С. Лисенко. – Київ: Наукова думка, 1974. – 260 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред А. К. Матвеева. – Свердловск, 1964-1988. – Т. 1-VII.

Срезневский – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М.: Книга, 1989. – Т. I-III.

СРНГ – Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф. П. Филина. – М.-Л.:Наука, 1965-1966. – Вып.1-2; Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1968-1992. – Вып. 3-27.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР, Ин-т русского языка. / Под ред. В. И. Чернышева и др. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1963. – Т. I-XV; Изд-во "Наука", 1964-1965. – Т. XVI-XVII.

СУМ – Словник української мови / Под ред. І. К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970-1980. – Т. I-XI.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мн.: Гал. рэд. БелСЭ, 1977-1984. – Т. I-V.

ТС – Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Пад рэд. А. А. Крывіцкага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1982-1985. – Т. I-V.

УРС – Українсько-російський словник / Под ред. Л. С. Паламарчука, Л. Г. Скрипника. – Київ: Наукова думка, 1975. – 944 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IV.

Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 2001. – Т. I-II.

Шатэрнік – Шатэрнік, М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / М. В. Шатэрнік. – Мн.: Выд-ва АН БССР, 1929. – 320 с.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. В. У. Мартынава. – Мн.: Навука і тэхніка, 1978-1993. – Т. 1-8.

Королевич С.А.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь

Фамилии отдельного селения как отражение ономастического континуума

В статье проводится анализ фамилий как знаков истории, культуры и языка, бытующих в отдельном населенном пункте на протяжении XIX–XX века; устанавливается зависимость их состава, этимологических и структурных характеристик от экстралингвистических социокультурных факторов, определяющих состав носителей этих фамилий; делается вывод о специфике проявления ономастического континуума в региональном антропонимиконе.

Ключевые слова: фамилии, динамика состава, этимология, структура, преемственность именовании,

Известно, что современное состояние именных систем – это результат их длительного развития, представляющего собой своеобразный ономастический континуум, то есть именную непрерывность. В какой мере справедливо это утверждение для антропонимов конкретного селения? Можно ли рассматривать как проявление ономастического континуума фамилии отдельного населенного пункта?

Очевидно, да. Фамилии считаются достаточно "консервативным" классом антропонимов, так как они показывают взаимоотношения отцов и детей, предков и потомков и объективно характеризуются преемственностью. Эта преемственность также может выступать в структурном составе, словообразовательных моделях и типах, в семантике фамилий и быть обусловленной интралингвистическими факторами. Вместе с тем необходимо вести речь о региональной специфике антропонимов названного вида, так как в фамилиях отдельного населенного пункта отражаются культурно-исторические условия его развития.

Развитие фамилий отдельного населенного пункта проходит не только по вертикали, но включает и многочисленные разнонаправленные влияния на определенных синхронных срезах, обусловленные внешними факторами. Чем сложнее и богаче история селения, тем более спорным в отношении местного ономастикона является общеизве-